

Элегантная русская классика





Таис Афинская

Иван
Ефремов



Москва
2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Е92

Художественное оформление переплёта
Натальи Каптыкиной

Ефремов, Иван Антонович.

Е92 Таис Афинская / Иван Ефремов. — Москва : Издательство «Эксмо», 2024. — 528 с. — (Элегантная русская классика).

ISBN 978-5-04-201589-2

Иван Ефремов (1908—1972) известен не только как выдающийся писатель-фантаст, но и как создатель исторических романов.

Роман «Таис Афинская» погружает в эпоху Античности, в нем достоверно описаны религиозные культы и бытовые детали того времени, искусно показана увлеченность общества искусством и поэзией.

В центре повествования сожжение Персеполиса — одной из столиц Персидского царства. На страницах книги оживают реальные исторические персонажи — Таис, афинская гетера и спутница царей и полководцев, флотоводец Неарх, царь Египта Птолемей и, конечно, самая загадочная фигура древней истории — Александр Македонский.

«Таис Афинская» — это не просто роман о прекрасной женщине, это роман о гармонии в человеке. Путешествия, любовные перипетии и душевные терзания героев переплетаются с философскими и эстетическими размышлениями автора.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-201589-2

© И.А. Ефремов, наследники, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024



ОТ АВТОРА



Роман «Таис Афинская» основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполиса — одной из столиц персидского царства — знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского. Эпизод этот одно время отрицался буржуазными историками, в том числе и столь крупным знатоком эпохи Александра, как В. Тарн.

Современные исследователи — а среди них и такой авторитет, как М. Уилер, — восстанавливают достоверность эпизода. Уилер в своей недавно опубликованной и только что вышедшей в русском издании книге «Пламя над Персеполисом» дает не лишнее юмора объяснение замалчиванию роли Таис Тарном и ему подобными учеными. Пуританские взгляды Тарна, ханжеская буржуазная мораль не позволили ему придать столь большое значение «жрице любви», как в его времена рассматривали греческих гетер.

Следует отметить, что ранее, в конце XVIII века, в той же Англии взгляды на этот счет были куда свободнее и исторически правильнее. О том свидетельствует, например, картина Дж. Рейнольдса 1781 года, изображающая артистку с факелом в роли Таис, поджигающей Персеполис.

В превосходной художественно-исторической биографии Александра Македонского, написанной Г. Лэмбом, в монографии А. Боннара Таис отводится надлежащее ей место. Нет оснований сомневаться в правдивости Плутарха, Арриана, Диодора и других древних авторов, сообщающих о ней.

Почти нет сведений о судьбе Таис после смерти Александра — о ее возвращении в Египет с Птолемеем. А. Боннар, Г. Лэмб и другие утверждают, что Таис «играла роль императрицы в Мемфисе, немало авторов полностью игнорируют ее существование».

Выбор эпохи для настоящего романа сделан не случайно, однако и не без влияния удивительной личности Александра Македонского. Меня интересовало его время как переломный момент истории, переход от национализма V–IV веков до нашей эры к более широким взглядам на мир и людей, к первым проявлениям общечеловеческой морали, появившимся в III веке со стоиками и Зеноном.

В то время человек по месту своего рождения или постоянного жительства получал как бы второе имя: афинянин, аргивянин, беотиец, спартанец. Поэтому в романе читатель будет часто сталкиваться с подобными полуименами.

В эту эпоху произошли также большие религиозные кризисы. Повсеместная замена древних женских божеств на мужские, нарастающее обветшание культа богов-олимпийцев, влияние индийской религиозно-философской мысли повели к развитию тайных верований. Уход в «подполье» верований, в которых живая человеческая мысль пыталась найти выход расширяющимся представлениям о вселенной и человеке, скованным требованиями официальных религий, очень мало исследован в исторических работах, которые тонут в датах, сменах царств, войнах и оставляют за бортом духовное развитие человечества.

Мне представилось интересным показать древнейшие религиозные культы — остатки матриархата, связанные с великой женской богиней, которые исчезают, точнее — теряют влияние в эпоху эллинизма. Поэтому главным действующим лицом у меня должна была стать женщина, допущенная к тайным обрядам женских божеств и, разумеется, достаточно образован-

ная, чтобы, не страдая узким религиозным фанатизмом, понимать происходящее.

В эпоху Александра такой женщиной могла быть только гетера высшего класса. Таис, как реальная историческая личность, как нельзя лучше подходит для этой цели. Гетеры, особенно афинские, были женщинами выдающегося образования и способностей, достойными подругами величайших умов и деятелей искусства того времени. Самое слово « гетера » означает « подруга », « товарищ ». По новейшим правилам следует писать « гетайра », но мне пришлось оставить прежнее название, а гетайрами именовать близких товарищей Александра Македонского, чтобы избежать путаницы.

Подобно современным гейшам Японии, гетеры развлекали, утешали и образовывали мужчин, не обязательно торгуя телом, а скорее щедро обогащая знаниями.

Плохую услугу гетерам оказал Лукиан Самосатский, известный писатель древности, Вольтер Античности, предавший пошлому осмеянию многие древние обычаи и выставивший гетер как вульгарных блудниц, а Афродиту — богиней разврата. К сожалению, с его легкой руки это стало традицией, которой следовали и многие поздние авторы.

Первые главы романа могут произвести впечатление некоторой перегруженности бытовыми деталями и древнегреческими словами, особенно на человека, плохо знакомого с античной историей. Такую же перегрузку впечатлений испытывает каждый, кто впервые попал в чужую страну с неизвестными обычаями, языком, архитектурой. Если он достаточно любознателен, то быстро преодолет трудности первого знакомства, и тогда завеса незнания отодвинется, раскрывая ему разные стороны жизни. Именно для того, чтобы отдернуть эту завесу в моих произведениях, я всегда нагружаю первые две-три главы специфическими деталями. Преодолев их, читатель чувствует себя в новой стране бывалым путником.

Нашему читателю известна социальная сторона Античности, что древнегреческие государства были рабовладельческими демократиями, или деспотиями.

Современному читателю может показаться чрезмерным изобилие храмов, статуй, преувеличенным — значение художников и поэтов. Следует знать, что вся духовная жизнь того времени вращалась вокруг искусства и поэзии, в меньшей степени вокруг философии. Эллин не мог представить себе жизни без любования — долгого и многократного — предметами искусства и созерцания прекрасных построек. Нечто похожее мы видим в современной Японии: созерцание камней, цветов, самоуглубленное слияние с природой в чайных домиках над лотосовыми прудами, под шум журчащей воды и звучание бамбуковых колокольчиков.

Еще большее значение имело для эллина созерцание человеческой красоты, прежде всего в живых людях, а не только в статуях, картинах и фресках. Очень много времени они посвящали своим атлетам, гетерам, танцовщицам. Значение художников как воплощений красоты и их живых моделей было огромно и не имело аналогий в последующих временах и странах, за исключением Индии в I тысячелетии нашей эры.

Количество скульптур в храмах, галереях, на площадях и в садах, не говоря уже о богатых частных домах, трудно вообразить. В каждой декаде века выделялись десятки художников, создававших многие сотни произведений (например, Лисипп с его полутора тысячами скульптур, Пракситель — с шестьюстами, Фидий — с восьмьюстами). Общее количество художественных произведений, преимущественно скульптуры, накопленных за несколько веков процветания эллинского искусства, колоссально. Ничтожная часть этого гигантского художественного наследия дошла до нас лишь в римских мраморных копиях. Металлические скульптуры в позднейшие времена были переплавлены невежественными завоевателями в пушки и ядра. Например, от столь плодовитого скульптора, каким был Лисипп, до нас не дошло ни одной оригинальной статуи, потому что он работал преимущественно в бронзе. Эти особенности истории эллинского искусства следует иметь в виду при чтении моего романа. Знаменитые храмы являлись центрами культов того или иного божества и одновременно как бы школами рели-

гиозных верований, с особыми мистериями для воспитания смены жрецов и жриц.

Читатели, хорошо знакомые с географией, не должны удивляться отличиям от современности в географических описаниях романа. IV и III века до нашей эры были периодом значительного увлажнения климата. Вся Азия вообще была менее сухой, чем в настоящее время. Этим объясняется, в частности, что битвы и походы множества людей происходили там, где сейчас не хватило бы воды и корма на один кавалерийский полк. В Ливийской пустыне была богатая охота, а могучие древние леса Эллады, Финикии, Кипра и малоазиатского побережья еще не были нацело сведены вырубкой и позднее чрезмерными выпасами коз.

Я убежден, что торговые и культурные связи древности гораздо шире, чем мы представляем по неполной исторической документации. В основном наша беда в плохом знании исторической географии Востока, которая еще только начинает открываться европейцам. Каждое крупное археологическое открытие приносит неожиданное «углубление» культур и усложнение связей обмена между отдаленными и труднодоступными областями обитаемой суши — Ойкумены.

Особенные неожиданности таят в себе методы антропологического изучения скелетного материала в погребениях. Безвременно умерший наш антрополог и скульптор М. М. Герасимов положил начало портретным реконструкциям типов древних людей, и это сразу же принесло очень интересные открытия.

Из одного древнейшего парного погребения неолита, содержащего останки мужчины и женщины, М. М. Герасимов восстановил два различных портрета: женщины с тонкими монголоидными чертами, скорее всего — китайки, и европеоида южного типа — арменоида. Китайка и арменоид, вместе похороненные в Воронежской области, — прекрасный пример того, как далеко могло заходить смешение народов в самой незапамятной древности. Писателям остается угадать, кто были эти двое: невольники или знатная чета — муж с привезенной издалека женой, и написать интересную историческую новеллу.

Реконструкции М. М. Герасимова из погребения южных зон СССР показали наличие дравидийских и даже малайских обликов людей эпохи верхнего неолита, бронзы и конца I тысячелетия до нашей эры.

Я принимаю гораздо более широкое распространение дравидийских народов (древнейших народов Южной Индии), чем это обычно делается, и причисляю к ним древнейшие народности, некогда населявшие Крит, центральную часть современной Турции, южные области Средней Азии, протоиндийскую цивилизацию. Несомненно, и Восточная Азия в доисторические времена была гораздо более открыта взаимовлиянию, например, Китая и западных окраин, чем позднее, когда произошла самоизоляция Китая.

Имеющаяся в настоящее время историческая документация сохранена в романе полностью. Я домыслил лишь неизвестную судьбу исторических лиц, ввел некоторые новые персонажи, например начальника тессалийских конников Леонтиоса, делосского философа, Эрис, Менедема, Эоситя.

Единственное нарушение хронологии в романе: создание статуи Афродиты Милосской (Мелосской) отнесено мною к концу IV века до нашей эры. Традиция датирует ее II или III веком, однако точная датировка не установлена по сие время. Некоторые удивительные находки, неизвестные прежним историкам, я считаю лишь первыми свидетельствами очень больших умозрительных открытий прежних цивилизаций. Счетная машина для планетных орбит существует на самом деле; хрустальные линзы тщательной шлифовки найдены в Междуречье и даже в Трое; счет времени у индийцев, достижения врачевания, астрономии и психофизиологии известны в исторических свидетельствах и в древних философских книгах.

Описание самого древнего святилища Великой Матери и сопутствующих объектов — обсидиановых зеркал, статуэток, фресок — я заимствовал из новейших открытий неолитических городов Центральной Анатолии: Чатал-Хююка, Хачилара, Алишар-Хююка, возникших в X–VII тысячелетиях до нашей эры, а может быть, и в еще более древние времена.

Храм в Гиераполе неоднократно упоминается древними авторами.

Некоторые события романа могут показаться читателю невероятными, например обряд поцелуя Змея. Однако он описан мною документально. Имеется фильм обряда, снятый в тридцатых годах нашего века в Северной Бирме известным кинопутешественником Армандом Денисом.

Выносливость и здоровье эллинских и македонских воинов по нашим современным меркам также невероятны. Стоит взглянуть на статуи Дорифора, Апоксиомена, Дискобола, так называемого Диадوخа (иначе «Эллинистического принца») или припомнить расстояния, пройденные в непрерывных походах македонской пехотой. Нередко приходится слышать, что марафонский вестник — спартанец царя Леонида, пробежав марафонскую дистанцию, упал мертвым, а наши спортсмены бегают побольше — и живы. Знатоки спорта все же забывают, что юноша бежал свою «дистанцию» не снимая вооружения, после целого дня рукопашного боя, выдержать который уже подвиг. А накануне, как свидетельствуют античные источники, он «сбежал» из Афин в Спарту и обратно, то есть пробежал ровным счетом двести километров!

Короче говоря, суровый отбор многих поколений и жизнь, в которой физическое развитие считалось первейшим делом, создали, может быть, и не чересчур сильных, но чрезвычайно выносливых людей. Сам Александр и его приближенные остались в веках поразительными образцами такой выносливости к ранам и лишениям, жизненной крепости в боях и походах, не говоря уже о мужестве, не уступавшем легендарной храбрости спартанцев.

Согласно новейшему словарю древнегреческого языка С.И. Соболевского (1967) я пишу дифтонги (кроме омикрон-ипсилон=у) двузвучно, без латинизации. Поэтому различение с некоторыми общеизвестными словами пусть не удивляет читателя. Везде, где это возможно, я отказываюсь от передачи «тетты» звуком «ф», «эты» — «и» и «бетты» — «в», как это

было принято в старой России, согласно чтению этих букв по церковнославянской традиции, возникшей на основе южнославянских языков. До сих пор мы пишем «Вифлеем», а не «Бетлеем», «алфавит», а не «альфабет», «Фивы», а не «Тебай». Не так давно даже писали вместо «библиотека» — «вивлиофика».

Позволю себе напомнить известный языковедческий анекдот с беотийскими баранами, выступившими в роли филологов. После яростных дискуссий, как читать «бету» и «эту», было найдено стихотворение Гесиода о стаде баранов, спускающихся с гор. Блеяние баранов, переданное буквами «бета» и «эта», положило конец спорам, потому что даже во времена Гесиода бараны не могли кричать «ви».

Наиболее укоренившиеся слова оставлены в прежнем правописании. Я избегал формы женских имен, принятой в целях сохранения поэтического размера в старых переводах, с окончанием «ида» — Лайда, Эрида. Окончания «ида», «ид» аналогичны нашему отчеству, означают принадлежность к роду: Одиссей Лаэртид (сын Лаэрта), Тесей Эрехтеид (из рода Эрехтея), Елена Тиндарида (дочь Тиндара). Окончание географических названий на «эту» со времен, когда она читалась как «и», заставило придавать названиям множественное число: Гавгамелы, Сузы. На самом деле следует писать русифицированные окончания аналогично всем женским именам, оканчивающимся на «эту»: Елена, Афина, Гера, то есть «Гавгамела», «Суза». Исключение составят названия, оканчивающиеся на дифтонг «ай»: Афины, Фивы. Они ближе всего к русским наименованиям принадлежности: «Афинское», «Фивское» («Тебайское»). Однако, подобно другим укоренившимся словам, исправление их — дело будущих специальных работ.

Я постарался изложить здесь некоторые особенности своих взглядов на описываемую эпоху вовсе не для того, чтобы обосновать роман как научное изыскание. Это литературное произведение со своими возможностями использования материала.

Для чтения слов и понимания терминов, не получивших прямого объяснения в тексте, служит нижеследующая

Справка для читателя

I. Все древнегреческие слова и имена, за малым исключением, следует произносить с ударением на предпоследнем слоге. В двусложных словах и именах ударение ставится, собственно, на первом слоге: Та́ис, Э́рис. Исключения большей частью кажущиеся: в русифицированных или латинизированных словах: го́плит (гоплі́тос), Алекса́ндр (Алекса́ндрос), Менеде́м (Менеде́мос), Неа́рх (Неа́рхос), где сняты греческие окончания.

II. Эллинский Новый год — в первое новолуние после летнего солнцестояния, то есть в первую декаду июля.

Календарь по олимпиадам начинается с первой олимпиады в 776 г. до н. э., по четыре года на каждую олимпиаду. Годы называются по олимпиадам от первого до четвертого: первый год 75-й олимпиады — 480 г. до н. э. Чтобы перевести счет по олимпиадам на наш, надо помнить, что каждый греческий год соответствует второй половине совпадающего нашего года и первой половине следующего за ним. Надо умножить число прошедших олимпиад на 4, прибавить уменьшенное на единицу число лет текущей олимпиады и полученную сумму вычесть из 776, если событие совершилось осенью или зимой, и из 775, если весной и летом.

Перечень аттических месяцев года:

Лето

1. Гекатомбейон (середина июля — середина августа).
2. Метагейтнийон (август — первая половина сентября).
3. Боэдромион (сентябрь — первая половина октября).

Осень

4. Пюанепсион (октябрь — первая половина ноября).
5. Маймактерион (ноябрь — первая половина декабря).
6. Посидеон (декабрь — первая половина января).

Зима

7. Гамелион (январь — первая половина февраля).
8. Антестерион (февраль — первая половина марта).
9. Элафеболион (март — первая половина апреля).

Весна

10. Мунихион (апрель — первая половина мая).
11. Таргелион (май — первая половина июня).
12. Скирофорион (июнь — первая половина июля).

III. Некоторые меры и денежные единицы.

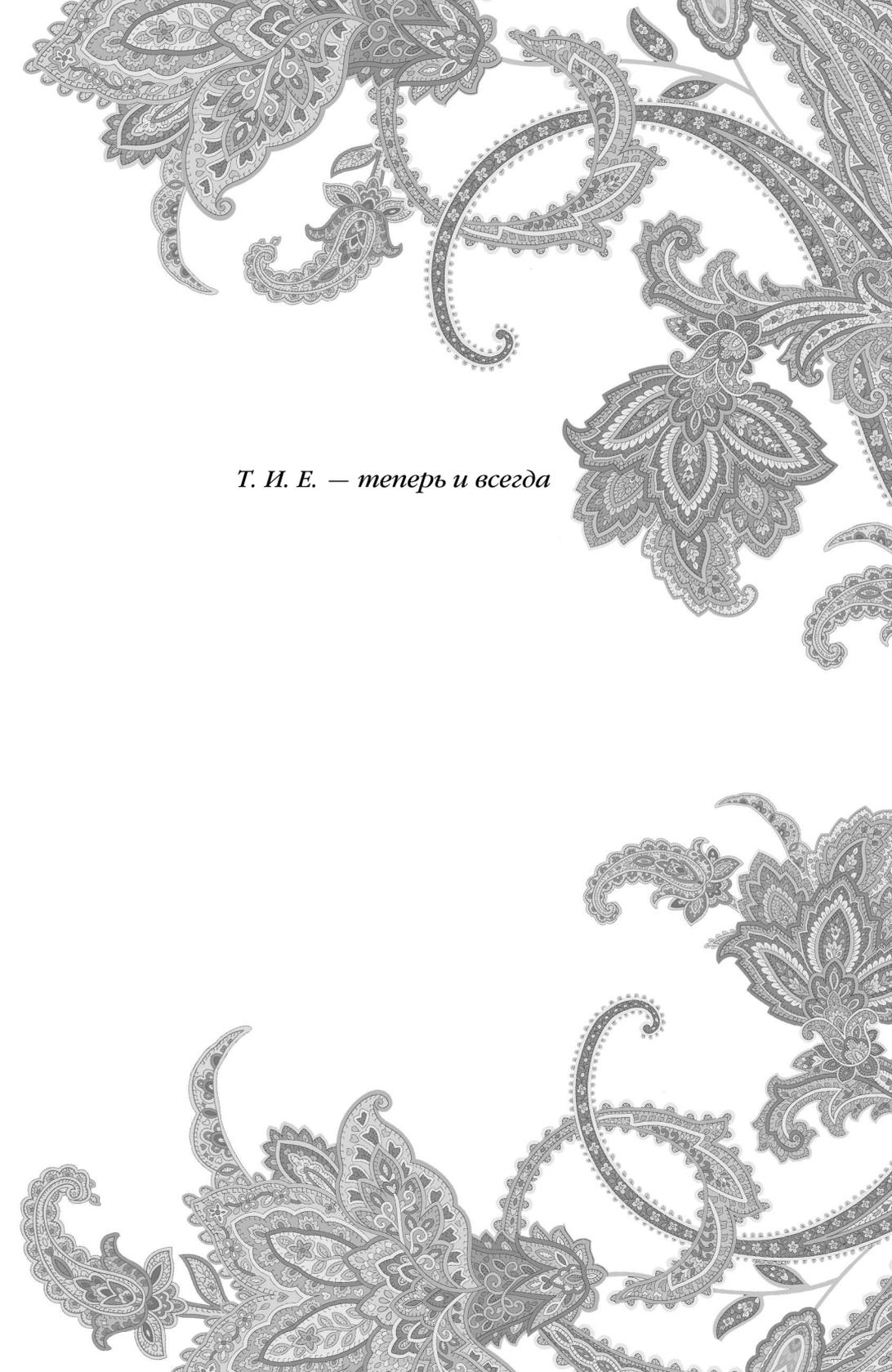
Стадия длинная — 178 м; олимпийская — 185 м; египетский схен, равный персидскому парасангу, — 30 стадий, около 5 км; плетр — 31 м; оргия — 185 см; пекис (локоть) — 0,46 м; подес (ступня) — 0,3 м; палайста (ладонь) — около 7 см; эпидама, равная 3 палайстам, — 23 см; кондилос, равный 2 дактилам (пальцам), — около 4 см.

Талант — вес в 26 кг, мина — 437 г; денежные единицы: талант — 100 мин, мина — 60 драхм.

Распространенные аттические монеты: серебряная ди-драхма (2 драхмы) равна золотому персидскому дарику. Тетрадрахма (4 драхмы) с изображением совы Афины — главная аттическая расчетная единица (в серебре, золото вошло в обращение в эпоху Александра, когда ценность таланта и драхмы сильно упала).

Меры жидкости — хоэс (кувшин) — около 3 с небольшим литров; котиле (котелок) — около 0,3 литра.

IV. Греческое приветствие «Хайре!» («Радуйся!») соответствует нашему «Здравствуй!». На прощание говорили или «Хайре!», или, при ожидаемой длительной разлуке, «Гелиайне!»: «Будь здоров!» (в нашем просторечии: «Ну, бывай здоров!»).



Т. И. Е. — теперь и всегда





ГЛАВА 1

Земля и звезды



Западный ветер крепчал. Тяжелые, маслянистые под вечерующим небом волны грохотали, разбиваясь о берег. Неарх с Александром и Гефестион уплыли далеко вперед, а Птолемей, плававший хуже и более тяжелый, начал выбиваться из сил, особенно когда Колиадский мыс перестал прикрывать его от ветра. Не смея отдалиться от берега и опасаясь приблизиться к белым взметам брызг у мрачно черневших скал, он злился на покинувших его друзей. Критянин Неарх, молчаливый и несговорчивый, непобедимый пловец, совершенно не боялся бури и мог просто не сообразить, что переплыть Фалеронский залив от мыса к мысу опасно в такую погоду для не столь дружных с морем македонцев. Но Александр и его верный Гефестион, афинянин, оба неистово упрямые, стремясь за Неархом, забыли о затерявшемся в волнах товарище.

«Посейдонов бык» — громадный вал — поднял Птолемея на свои «рога». С его высоты македонец заметил крохотную бухточку, огражденную острыми каменными глыбами. Птолемей перестал бороться и, опустив отяжелевшие плечи, прикрыл руками голову. Он скользнул под волну, моля Зевса Охрани-

теля направить его в проход между скал и не дать ему разбиться.

Вал рассыпался с оглушающим грохотом и выбросил его на песок дальше обычной волны. Слепший и оглохший, Птолемей, извиваясь, прополз несколько локтей, осторожно привстал на колени и наконец поднялся, шатаясь и потирая гудевшую голову. Волны, казалось, продолжали колотить его и на земле.

Сквозь шум прибоя ему послышался короткий смешок. Птолемей повернулся так резко, что не устоял и снова очутился на коленях. Смех зазвенел совсем близко.

Перед ним стояла небольшого роста девушка, очевидно только что вышедшая на берег. Вода еще стекала по ее гладкому, смуглому от загара телу, струилась с массы мокрых иссиня-черных волос, купальщица склонила голову набок, отжимая рукой выющиеся пряди.

Птолемей поднялся во весь свой огромный рост, крепко утвердившись на земле. Он посмотрел в лицо девушке и встретил веселый и смелый взгляд серых, казавшихся синими от моря и неба глаз. Некрашенные, ибо все искусственное было бы смыто бурными волнами Эгейского моря, черные ресницы не опустились и не затрепетали перед горячим, властным взором сына Лага, в двадцать четыре года уже известного покорителя женщин Пеллы, столицы Македонии.

Птолемей не мог оторвать взгляда от незнакомки, как богиня возникшей из пены и шума моря. Медное лицо, серые глаза и иссиня-черные волосы — совсем необыкновенный для афинянки облик поразил Птолемея. Позднее он понял, что медноцветный загар девушки позволил ей не бояться солнца, так пугавшего афинских модниц. Афинянки загорали слишком густо, становясь похожими на лилово-бронзовых эфиопок, и потому избегали быть на воздухе неприкрытыми. А эта — меднотелая, будто Цирцея или одна из легендарных дочерей Миноса с солнечной кровью, и стоит перед ним с достоинством жрицы. Нет, не богиня, конечно, и не жрица эта невысокая, совсем юная девушка. В Аттике, как и во всей Элладе, жрицы выбираются из самых рослых светловолосых красавиц.

Но откуда ее спокойная уверенность и отточенность движений, словно она в храме, а не на пустом берегу, нагая перед ним, будто тоже оставила всю свою одежду на дальнем мысу Фоонта? Хариты, наделявшие женщин магической привлекательностью, воплощались в девушках небольшого роста, но они составляли вечно неразлучное трио, а здесь была одна!

Не успел Птолемей додумать, как из-за скалы появилась рабыня в красном хитоне, ловко окутала девушку грубой тканью, стала осушать ее тело и волосы.

Птолемей зябко вздрогнул. Разогретый борьбой с волнами, он начал остывать — ветер сегодня был резок и для закаленного суровым воспитанием македонца.

Девушка откинула с лица волосы, внезапно по-мальчишески свистнув сквозь зубы. Свист показался Птолемею презрительным и наглым и совсем неподходящим к девической ее красоте.

Откуда-то появился мальчик, опасно уставившийся на Птолемя. Македонец, наблюдательный от природы и развивший эту способность в ученичестве у Аристотеля, заметил, как детские пальцы вцепились в рукоять короткого кинжала, торчавшего из складок одежды. Девушка негромко сказала что-то, заглушенное плеском волн, и мальчик убежал. И тут же вернулся и, уже доверчиво подойдя к Птолемею, протянул ему короткий плащ. Птолемей окутался им и, подчиняясь молчаливой просьбе девушки, отвернулся к морю. Через минуту прощальное «хайре!» раздалось за его спиной. Птолемей повернулся и поспешил к незнакомке, затягивавшей пояс не под грудью, а по-критски — на талии, такой же немислимо тонкой, как у древних жительниц сказочного острова.

Внезапное воспоминание заставило его крикнуть:

— Кто ты?

Веселые серые глаза сощурились от сдерживаемого смеха.

— Я сразу узнала тебя, хоть ты и выглядел как мокрая... птица. Ты слуга македонского царя. Где ж ты потерял его и спутников?

— Я не слуга его, а друг, — гордо начал было Птолемей, но сдержался, не желая выдать опасную тайну. — Но как ты могла видеть нас?

— Вы все четверо стояли перед стеной, читая предложения о свиданиях на Керамике. А ты меня даже не заметил. Я Таис.

— Таис? Ты? — Птолемей не нашелся что сказать.

— Что удивило тебя?

— Я прочитал, что некий Филопатр предлагает Таис талант — стоимость целой триремы, и она не подписала час свидания. Я стал искать эту богиню...

— Высокую, золотоволосую, с голубыми глазами Тритониды, отнимающую сердце?

— Да, да, как ты угадала?

— Не первый ты, далеко не первый. Но прощай еще раз, мои лошади застоялись.

— Постой! — вскричал Птолемей, чувствуя, что не может расстаться с девушкой. — Где ты живешь? Можно прийти к тебе? С друзьями?

Таис испытующе и серьезно посмотрела на македонца. Ее глаза, утратив веселый блеск, потемнели.

— Приходи, — ответила она после некоторого раздумья, — ты сказал, что знаешь Керамик и Царскую Стою? Между Керамиком и холмом Нимф, к востоку от Гамаксита — большие сады. На окраине их найдешь мой дом — две оливы и два кипариса! — Она внезапно оборвала речь и, кивнув на прощание, скрылась в скалах. Утоптанная тропка вела наверх.

Птолемей нагнулся, вытряс песок из просохших волос, не спеша выбрался на дорогу и скоро оказался совсем недалеко от Длинных Стен Мунихиона. К лесистым склонам гор, уже покрывшимся предвечерней синей мглой, тянулся хвост пыли за колесницей Таис. У юной гетеры были великолепные лошади — так быстро неслась ее пароконная повозка.

Грубый окрик сзади заставил Птолемя отскочить. Мимо него пронеслась другая колесница, управляемая огромным беотийцем. Стоявший с ним рядом щегольски одетый юноша с развевающимися прядями завитых кудрей, недобро усмехаясь, хлестнул Птолемя бичом на длинной рукоятке. Бич преобольно ожег едва прикрытое тело македонца. Оскорбитель не знал, что имеет дело с закаленным воином. В мгновение ока Птолемей